

Мармышев Валерий
ЛЕПЕСТОК

Валерий Мармышев

Лепесток

«Издательские решения»

Мармышев В.

Лепесток / В. Мармышев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980368-9

Умы людей уже давно волновала идея полета в космос. Многие грезили этим, мечтали оказаться вовлеченными в невероятное путешествие. Но что предстоит преодолеть человеку, чтобы услышать долгожданный отсчет секунд до пуска двигателя? Эта история о человеке, которому придется пожертвовать многим ради преодоления силы гравитации... История, удерживающая в напряжении до последних строк книги.

ISBN 978-5-44-980368-9

© Мармышев В.
© Издательские решения

Содержание

Лепесток	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лепесток

Валерий Мармышев

© Валерий Мармышев, 2020

ISBN 978-5-4498-0368-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лепесток

Притихший сосновый лес, наполненный прохладой, терпеливо ждал появления первых солнечных лучей. Уже забрезжил рассвет, и туман, мягко касаясь стволов и оставляя на них влажные следы, поспешно пополз к озеру, ища в нем защиты. Заблудившийся клочок облака заскользил по верхушкам и, с любопытством заглянув между крон, безмолвным водопадом заструился вниз. Раздался громкий хлопок спортивного пистолета, встревоживший дремавших птиц. Мэттью чуть вздрогнул и, оторвав взгляд от леса, тут же сорвался с места. Он и еще группа парней пятнадцати и шестнадцати лет стали стремительно набирать скорость.

Была середина августа, и приближалась пора контрольных тестов по физической подготовке. Именно по результатам этих тестов решалась судьба каждого из них – если ты преуспел, то у тебя есть шанс попасть в один из лучших спортивных клубов страны, а может быть даже и в сборную, если же нет, то до следующего лета ты вновь вернешься в детский дом, где долгие осень, зиму и весну будешь ждать следующего шанса на успех.

Мэттью понимал, что сегодня ему неплохо было бы показать свои возможности, свой лучший результат, но что-то мешало. Мешало какое-то смутное чувство, с которым он проснулся сегодня рано утром, еще до общего подъема. Ощущение мимолетности всех спортивных достижений и тщетности приложенных усилий. Он всегда чувствовал значимость своей жизни, как бы это напыщенно ни звучало, и считал, что судьба готовит его к чему-то очень важному. И это не спорт и не олимпийские медали. И вот этим утром он проснулся с отчетливым пониманием, что уже совсем близко...

Мимо него, громко пыхтя и отдуваясь, пронеслись парни, украдкой поглядывая на Мэттью, и в их глазах читалась гордость за самих себя: вот я какой! Обогнал претендента на первое место! Значит, я чего-то, да стою! Мэттью с легкостью выдерживал их взгляды и заносчивое чувство превосходства. Ему никогда не хотелось ввязываться в бессмысленную игру конкуренции. Это все было ему не по душе. Всего каких-то несколько мгновений покрасоваться, посмотреть свысока, и ради этого постоянно жить с надрывом? Нет уж. Но от надрывов и перенапряжений он никогда не сбегал. Он просто видел это иначе. Он сумел бы пробежать сотню километров, и пусть он даже погибнет в пути, но это не должно быть простым позерством, это должно стоить того, это должно быть чем-то важным.

– Шаг – полвыдоха, шаг, – еще полвыдоха. Шаг – полвыдоха... – проговаривал про себя Мэттью и, чуть опустив голову, наблюдал за петляющей беговой дорожкой. Он набрал удобный ему темп, в котором решил бежать все десять километров. – Сегодня, Мэттью, ты не побежишь на результат. Сегодня тебе нужно отдохнуть. Это еще не конец лета – ты еще покажешь себя, а пока – просто беги.

Мимо него пронеслись парни, взвинчивая до предела свой темп, то тут, то там ускоряясь и лихо, еще со свежими силами, избегая на возвышенности. Мэттью с безразличием смотрел сквозь их раскрасневшиеся от бега лица и наблюдал за тем, как живет лес, как плавно, приближалось озеро с наползающим на берег туманом, сквозь который проглядывались крохотные домики их спортивного лагеря. Он увидел вспорхнувших птиц перелетевших с ветки на ветку и с интересом наблюдавших за бегущими. Эти места очень полюбились Мэттью – здесь он мог побыть в одиночестве, чего так не хватало ему в детском доме. Здесь он мог любоваться красотой природы и дышать полной грудью.

Пятый, шестой и седьмой километр все расставили по своим местам: теперь уже он обогнал тех бравых ребят, что обошли его на старте. Мэттью бежал и смотрел по сторонам, впитывая в себя свежесть утра и не замечая развернувшейся вокруг битвы за лидерство.

Бежать оставался сущий пустяк, когда он заметил впереди своего друга Пола. Обгоняя его на повороте дорожки, Мэттью по-дружески похлопал его по плечу.

– Как бежится, Пол? – спросил он его. Тот попытался было разомкнуть пересохшие губы, но, не сказав ничего, просто махнул рукой. Сосредоточившись, он побежал дальше, лишь немного отстав от Мэттью.

Впереди показался финиш и стройная фигура тренера. Мэттью бежал, не сбавляя, но и не набирая скорости. Неожиданно для себя он оказался в тройке лидеров и был этим немало удивлен. Приближаясь к заветной черте, после которой окончится это испытание, пройдут сухость во рту и ломота в ногах и спине, он услышал усилившееся пыхтение. Он оглянулся и увидел, как тратя последние силы, его стремительно догонял Пол.

– Вот кому точно нужен сегодняшний результат. Вот кто не размяк, как я, и старается изо всех сил. – подумал Мэттью.

Пол догнал товарища и попытался его обогнать. Мэттью лишь немного уступил, а затем вновь обошел Пола. Друг не отставал и еще раз обогнал Мэттью. Тот в свою очередь, изобразив на лице накопившуюся усталость, постарался нагнать Пола, и, видит Бог, ему бы это удалось, но финишная черта вынесла свой суровый приговор – четвертый!

Пол радостно застонал и, еле волоча ноги, пошел по обочине дорожки, приминая сочную траву, громко дыша и покашливая. Мэттью остановился и, упершись руками в колени, старался восстановить дыхание.

– Ну, Пол! – подумал Мэттью и посмотрел на радостно улыбающегося друга. – Вот это характер!

– Ура, Мэттью! Я стал третьим! Третьим! – сказал Пол, подходя и ликующе улыбаясь. Затем, вмиг посерьезнев, спросил, – Ты же мне не поддался?

– Поддаться? Тебе? – так же серьезно ответил Мэттью. – Не в этой жизни! Это еще не контрольный забег, мы с тобой еще посоревнуемся!

Отбросив в сторону серьезность, он радостно улыбнулся и, обняв Пола, тепло произнес:

– Вот твой характер, Пол. Только так теперь и бегай! И не только бегай – вгрызайся с таким упорством и силой во всё, чем только не придется тебе заниматься! Хорошо? Пообещай мне!

– — Обещаю, Мэттью, обещаю! – устало и радостно ответил Пол.

– А теперь пойдем, пора позавтракать и выпить горячего чая! – бодро сказал Мэттью и, хлопнув друга по плечу, направился в сторону их домика.

Проходя мимо тренера, Мэттью поймал на себе его недовольный взгляд. Тот покачал головой, но ничего не сказал.

– Ну и пусть, – подумал Мэттью. – Нужно делить не только свои победы с друзьями, но и разделять победы друзей, остальное чепуха и позерство!

Постепенно, по пути к их домику, к ним присоединялось все больше и больше запыхавшихся и раскрасневшихся парней, бурно обсуждавших минувший забег. Кто-то, чуть выкатив глаза, рассказывал, как тяжело ему дался «вон тот злополучный подъем», кому-то немоготно было бежать уже на пятом километре, а кому-то не хватило совсем чуть-чуть, чтобы нагнать первых. Компания все разрасталась и становилась более шумной, наполняясь юношеским басом и беззаботным смехом. Мэттью, сунув руки в карманы спортивных штанов, стал понемногу замедляться и вновь пошел в своем ритме только тогда, когда отстал ото всех на приличное расстояние.

Он шел и задумчиво смотрел под ноги. Ему было приятно пройти и прошуршать подошвой кед по еще держащей на себе росу траве. Было в этом что-то успокаивающее, заставляющее сердце биться не так часто и не так резко. Тонкая теплая полоска солнечного луча пролилась из-за края леса. Мэттью поднял глаза и, чуть прищурившись, посмотрел перед собой.

– Жалко будет уезжать отсюда, – подумал он, окинув взглядом панораму спортивного лагеря.

Когда он вошел в домик, все уже были там: в центре комнаты, наполовину сняв майку и живо взмахивая руками, стоял Пол, рассказывая результаты забега. В дальнем углу, приподняв корпус на локте, лежал Фрэнк и, весело посмеиваясь, то и дело вставлял шуточки в рассказ Пола. Долговязый Сэмюэль, вступивший в возрастную фазу неуклюжести, громко хохотал над шутками Фрэнка и запальчивостью Пола, и никак не мог пристроить на носу очки. В какой-то момент насмешки товарищей вывели Пола из себя и он, метнувшись к своей кровати и схватив подушку, помчался через всю комнату к Фрэнку, громко крича и едва не сбив круглый стол в центре. Не успел он добежать до кровати обидчика, как его лицо наткнулось на выпущенную тем подушку. Неожиданный отпор нисколько не обескуражил Пола, а лишь еще больше распалил. Вмиг в комнате образовался безумный беспорядок, к которому, забыв про очки, присоединился Сэмюэль.

За Мэттью хлопнула дверь, и тройка замерла на месте. Забытая Сэмюэлем занесенная над головой подушка обмякла и, стукнув его по лбу, перекосила очки на переносице.

– Что вы здесь устроили? – серьезно спросил Мэттью, подходя к друзьям и отодвигая в сторону стулья. Те виновато потупились и замялись.

– Они не верят мне, что я пришел третьим на забеге и сумел обогнать тебя, – проговорил Пол.

Мэттью окинул тройку взглядом и уперся кулаком в столешницу.

– Да, обогнал, – твердо сказал Мэттью, – и да, пришел третьим. Спорить не буду. Ваше недоверие и, тем более смешки над другом, неприемлемы! И это, друзья, не повод вот так, – он выхватил подушку у Сэмюэля, – вероломно и подло нападать вдвоем на одного! – договорил он и, размахнувшись, бухнул подушкой в плечо Сэмюэля. – Ну-ка, Пол! Налетай!

Секунду все стояли в оцепенении, а потом, с новыми криками и диким хохотом, влились в возрожденную битву.

– Кем ты хочешь стать, Сэмюэль? – спросил Пол, когда спустя полчаса вся компания сидела за столом в столовой и уплетала сладкую рисовую кашу.

– Чемпионом! Только чемпионом! – бойко ответил тот.

– В каком спорте? – спросил Фрэнк, намазав кусочек масла на хлеб и аккуратно положив сверху тонкий ломоть сыра.

– Да какая разница? Любого спорта! Может быть, буду атлетом, а может вообще стану прославленным мастером спорта по парашютным прыжкам!

– Ого, как ты высоко взлетел! – воскликнул Фрэнк и выровнял сыр по краю куска хлеба. Откусив только ту часть, где было масло, он, жуя, добавил, – ты ж по земле-то ровно ходить не умеешь, вечно что-то заденешь или споткнешься, куда ж тебе в небо?

– Так в этом то и кроится вся суть – в небе не обо что спотыкаться! Разве что при выходе из самолета. Ну и пусть! Не так страшно прыгать будет – вывалился и всё!

Вся компания весело захохотала.

– А ты, Пол, кем хочешь стать? – спросил Фрэнк.

– А я... – замялся Пол, потирая плечо, – а черт его знает! Кем-нибудь великим! И хочу купить себе велосипед.

– Зачем тебе велосипед, если ты великий, – сквозь смех проговорил Фрэнк, – покупай уж сразу автомобиль!

– Нет, автомобиль не хочу, велосипед хочу, – мечтательно проговорил Пол. – Чтоб вечером, после тренировок или другой какой работы, вскочить в седло, да как ударить по педалям, чтоб пыль столбом после меня стояла, и мчать вперед, и чтоб никаких тебе печальных окон детдома, чтоб простор и тишина, и свежий ветер...

В этот момент за забором послышался нарастающий гул двигателя. Противно и звонко заскрипели тормоза и автомобиль, еще некоторое время размеренно пророкотав, наконец,

замолк, лишь изредка потрескивая раскаленными деталями. За столом, где сидели руководители лагеря и тренеры, прокатился встревоженный шепот. Мистер Андерсон, старший третьего отряда, подскочил и, взглянув на часы, помчался к воротам, что-то растерянно бормоча себе под нос.

Весь лагерь, забыв про завтрак и остывающий сладкий чай, напряженно прислушался. Все принялись озираясь, безмолвно спрашивая друг у друга, что происходит.

– Неужели приехали представители из клубов? – прошептал Пол.

– Шшш... – прервал его Фрэнк.

– Добрый день, мистер Гордон! – послышался из-за забора приглушенный голос мистера Андерсона. – Как добрались?

– Хорошо, мистер Андерсон, даже быстрее, чем думал, – раздалось в ответ.

– Вы завтракали? Может Вам приготовить что-нибудь? Мы, правда, немного не готовы к вашему раннему приезду, извините за это, но повара у нас хорошие, быстро что-нибудь приготовят.

– Нет, благодарю Вас, – произнес размеренный, спокойный голос, вплотную приближаясь к воротам. Скрипнула дверь, и вслед за мистером Андерсоном в лагерь вошел высокий, худощавый мужчина с чисто выбритыми щеками и аккуратно выровненными усами и бородкой. В руке он сжимал толстую записную книжку и планшет – Я бы не отказался от стакана чая, дорога здесь неровная, и меня немного укачало.

– Присядете здесь? – предложил мистер Андерсон.

– Честно говоря, я бы хотел сразу пройти в свою комнату. К сожалению, у меня не так уж много времени.

– Да, конечно, – серьезно произнес мистер Андерсон и, жестом указав гостю направление, повел его в ближайший домик.

– Странно, – произнес Пол, когда гость скрылся за дверью и в столовой возобновился привычный для утра шум, – обычно нам представляют приезжающих, говорят кто они и откуда, а этот какой-то... Не такой.

– М-да... – задумчиво протянул Фрэнк, – на мастера парашютного спорта он не похож. Все четверо прыснули от смеха.

После завтрака, как обычно, проводились обучающие занятия, после которых следовала предобеденная тренировка. Всё в лагере жило своим привычным размеренным ритмом, лишь только во время обеда утренний гость вышел из отведенного ему домика и в сопровождении что-то непрерывно рассказывающего мистера Андерсона проследовал к столу для тренеров. Он сел с краю и, внимательно слушая и время от времени что-то уточняя, принялся за суп. Взгляд мистера Гордона был серьезен и цепок, но сейчас он бесцельно скользил по лицам ребят, украдкой и с любопытством косящихся на него. В какой-то момент голубые глаза задержались на неуклюжем Сэмюэле с его непрестанно сползающими очками, но этим его внимание к их компании и ограничилось. Под конец трапезы кто-то из тренеров принес пухлую папку, в которой едва умещались листы. В нетерпении отодвинув в сторону тарелки и стакан с компотом, мистер Гордон принялся за её изучение.

– Нет, я никак не могу понять, кто это? – возмутился Сэмюэль, развешивая выстиранную майку на натянутой в комнате из угла в угол веревке.

– Станный он какой-то, – добавил Фрэнк. – Ходит такой важный, а тренеры, что? Видели, как они вокруг него кружатся? Я так понимаю, он очень важный человек!

– Да, да, важный, – поддакнул Сэмюэль и закинул на веревку штаны. – Может он вообще не из спорта? Видели, какой худощавый?

– Ну и что, что худощавый? Может он из какой-нибудь комиссии? – возразил Фрэнк, – думаешь, у них там мало бывших спортсменов?

– Нет, – чуть призадумавшись, ответил Сэмюэль, – я думаю это или врач, или какой-нибудь музыкант.

– Да брось ты! Музыкант? – сказал Фрэнк, начав по обычаю распалиться и переводить разговор в спор, – Это спортивный лагерь, Сэмюэль! Что тут забыл музыкант?

Не желая участвовать в разгорающемся споре, Мэттью взял с полки недочитанную книгу и мельком взглянул на Пола. Тот сидел на кровати, поджав колени к груди, и тревожно смотрел в глубь комнаты, покусывая губы. На мгновение взгляд его стал осмысленным, и он уставился на Мэттью. Он хотел было что-то сказать, но не решился: то ли из-за шумящих рядом друзей, толи потому, что не хотел тревожить Мэттью. Друзья уже давно привыкли к временами отстраненному и молчаливому поведению Мэттью и знали: если он хочет побыть один, лучше не лезть.

Мэттью вышел из домика и, прищурившись, посмотрел на небо. По безупречной синеве гуляло солнце, изредка кокетливо прячась за тонкую пелену проносящихся мимо облаков. Мэттью тоскливо вздохнул и не спеша зашагал в сторону озера. Он шел, сжимая в руке книгу и рассматривая понемногу увядающую вслед за летом траву и лениво ползающих жуков. Позади послышался шум, и через секунду раздался тихий голос Пола.

– Мэттью, постой!

Мэттью остановился и внимательно посмотрел на друга. За прошедшую после его ухода минуту, Пол, казалось, осунулся и стал еще более тревожным, что не на шутку взволновало Мэттью.

– Что случилось, Пол? – спросил он, видя смущение и нерешительность друга. – ну, говори же, – добавил он, беря его за плечи.

– Ты мне точно не поддался там... на забеге? – запинаясь, выпалил он.

Мэттью был удивлен и даже отшагнул назад, чтобы оценить всю громаду этого вопроса. Он и подумать не мог, что тот его дружеский порыв, его забота в знак признательности своему другу за то, что тот столько лет стоял с ним плечом к плечу в любых неприятностях, помогая и поддерживая, может так задеть и взволновать товарища. Хотя это его вина. Он должен был подумать об этом, предвидеть, зная, сколь упорным был Пол, и как он из кожи вон лез, чтобы улучшить свои результаты. И теперь ему нужно в какие-то доли секунды решать, что сказать: правду, которая может подорвать доверие его друга к нему и веру в свои силы, или солгать, надеясь на то, что это никогда не станет явным, не навредит Полу, придав ему какие-нибудь ошибочные надежды? А впрочем, почему ошибочные? Разве он не достоин того, чтобы стать лучшим? Разве в нем нет того упорства и скрытого от него самого таланта? Таланта, которому он сам мешает, ставя перед ним стены, которые тот не способен преодолеть, потому что он еще слишком мал, и не было на его пути преград, над которыми он смог бы одержать верх. Снести и сокрушить их, уверившись в своих силах, почувствовав тот самый прилив сил, разливающийся по телу, охватывающий и пьянящий чувством успеха, достижения, победы!

Он почувствовал, что ему не хватает времени, чтобы принять решение. Нужно было вдохнуть и выдохнуть, но сделать это правильно: глубокий вдох и выдох, опущенные глаза красноречивее целого абзаца рассказали бы о чувстве вины. Снисходительный выдох и наклон головы вбок и, не дай Бог, сочувствующая понимающая улыбка, предвещающая готовящуюся ложь, подобно хлысту полоснули бы друга по лицу, рассекли бы сердце надвое. Твердое и спокойное дыхание, как если бы ты собирался что-то сказать в самый искренний момент, но ты и не думал врать. Так он и сделал, а между тем думал.

Ужасно сложный вопрос дружеской лжи. Стоит ли? Где та грань в дружбе, через которую он может переступить? Станет ли от этого дружба менее искренней и надежной? Возникнет ли брешь в этом спасательном круге, или он станет крепче? В этот момент ему показалось, что он, как будто бы, ни разу в жизни не лгал другу. Нет, тогда было совсем не то. Он врал, но врал о том, что касалось его самого. Скажем, сильно ли у него болит нога, или хочет ли он

последнюю конфету, в общем не важно, это не касалось другого человека, и никогда его ложь не была так глубока и близка к человеческой душе. Время неотвратно продолжало свой ход, а решение он так и не принял. Больше медлить нельзя и не имеет смысла...

– Нет, Пол, – твердо сказал Мэттью, – я не поддаюсь тебе. В какой-то момент я думал так сделать, но я не смог бы. Ты был сегодня упорен и быстр, а мне не хватило сил, чтобы угнаться за тобой.

Лицо Пола чуть разгладилось и успокоилось, но все еще оставалось встревоженным от искрящихся в глубине души мыслей и переживаний.

– Спасибо тебе, Мэттью, за честность, – сдавленным голосом произнес он. – Ведь я никогда прежде не занимал лидирующие места. Победа всегда была для меня чем-то далеким, чем-то невозможным. А сегодня... сегодня она стала такой близкой, осязаемой! Я прямо чувствовал, как она бьется и пульсирует у меня в руках! Честное слово, я так её и ощущал! Да это было только третье место, но оно было моим! Заслуженным! Достигнутым! И если бы ты мне поддавался, я бы...

– С этого дня, Пол, ты только так и будешь бегать! – перебил его Мэттью. – только так! Даже если ты устал и пробежал чуть хуже, ты теперь будешь твердо знать, видеть, что ты можешь лучше. Это твоя победа, твой характер, твоя воля! И чтоб мне пусто было, но в твоей жизни еще будет множество первых мест, сладких побед, великих достижений, что бы не стояло на твоём пути!

– Если ты будешь верить в меня, то так оно и будет, – вдруг выпалил Пол и, покраснев, потупил взгляд. – Прости, это было глупо!

– Вздор! Человеку, любому человеку нужно, чтобы в него поверили! Да, мы остались одни на этом свете, но только лишь на время. – пылко заговорил Мэттью. – Ты помнишь день, когда мы подружились? Помнишь тех парней постарше нас, что хотели избить? Я выстоял тогда только потому, что ты поверил в меня. А я поверил в тебя, что ты не отступишь и не уйдешь, когда в разгаре драки окажешься ближе к двери. Те парни сделали тогда свой выбор и отправились в полицию, а мы сделали свой – идти упорно дальше и верить друг в друга. – Мэттью сделал шаг вперед и положил руку на плечо друга. – Моя вера в тебя живет еще с тех пор, она всегда с тобой и только так. Так что смело иди вперед и сметай все сомнения напрочь, Пол.

Пол твердо посмотрел Мэттью в глаза, свел скулы и, одними лишь губами проговорив «спасибо», развернулся и пошел в направлении домика. Может кому-нибудь это показалось бы странным, вот так развернуться и уйти, но только не ему: когда дело доходит до мужских эмоций и реакций, всё будет сказано позже и не словом, а делом. Теперь эти плечи, на которых секунду назад лежали руки Мэттью станут в разы прямее и крепче, чем еще вчера.

Мэттью проследил за тем, как спина Пола скрывается за дверью, тяжело вздохнул и, пробежавшись взглядом по лагерю, заметил вперившиеся в него голубые глаза мистера Гордона. Тот смотрел всего какую-то секунду, а затем вновь углубился в бумаги, что-то пробормотав то ли себе, то ли мистеру Андерсону. Мэттью не хотел об этом думать и, развернувшись, побрел дальше, к озеру.

Блаженные несколько часов одиночества пролетели для него как несколько минут. Он сидел на пирсе и, разложив на коленях книгу, читал, изредка отвлекаясь на плеск играющих на мелководье рыбешек или залихватский хохот ребят на спортивной площадке. Иногда он все же нервно поглядывал на расположенную невдалеке лавочку, на которой сидел гость с неизменной стопкой бумаг, и как ему казалось, исподволь наблюдавший за ним.

Послышался легкий шорох, и на плечо Мэттью легла чья-то рука. В мгновение ока все внутри него раскалилось до красна: он так не любил, когда кто-то прерывает его одиночество. Так же быстро, как всё воспыхало, всё потухло. Он узнал это легкое прикосновение. Тепло этой руки, пройдя сквозь плечо, обволокло сердце. Только ей он мог простить вторжение в его одиночество.

– Привет, Кэтрин, – мягко проговорил он.

– Как ты узнал, что это я, – удивленно спросила она и, сев рядом, свесила ноги к самой поверхности воды.

– Не знаю, просто почувствовал, – ответил он и заглянул в её светящееся от улыбки лицо. – Почему у тебя мокрые волосы?

– Только что сдавала норматив по плаванию. Сегодня улучшила свой результат. Проплыла за пятьдесят восемь и три десятые!

– Надо высушить твои волосы, а то простудишься, – сказал Мэттью и, взяв из её рук полотенце, укрыл им голову. Она рассмеялась, но противиться не стала. – А почему вы поплыли сегодня, ведь должны были завтра?

– Я не знаю точно, – донесся приглушенный голос из клубка полотенца, – должно быть из-за приезда этого человека. Все так быстро произошло, что я даже не успела как обычно поволноваться.

– Ты так говоришь, будто тебя лишили какой-то радости в жизни, – сказал Мэттью и, посмотрев поверх головы Кэтрин, вновь заметил твердый взгляд гостя, отчего ему стало немного не по себе.

– А то как же, – ответил Кэтрин, наконец выпутавшись из полотенца. – Это же целый процесс. Я бы даже сказала ритуал! Надо ночью перед этим как следует поворочаться, чтобы кровать больше не казалась уютной и пригодной для сна, затем покусать губы, оставить половину завтрака в тарелке и выпить меньше воды, чем необходимо. Затем дрожать до тех пор, пока не сделаешь мучительно долгий вдох, не приготовишься к прыжку. А как же иначе?

– Я прекрасно понимаю тебя, но твой нервный романтизм вызывает у меня много вопросов и сомнений.

– А ты не сомневайся, – весело проговорила Кэтрин и легонько опершись на плечо Мэттью, встала. – Ну, я пошла. Погуляем сегодня вечером?

– Встретимся как обычно, в девять под деревом у столовой? – предложил Мэттью.

– Как обычно, – кокетливо ответила девушка, наклонив голову набок и привстав на цыпочки. – Ну, я пошла, – добавила она и, махнув рукой, легкой походкой побрела по пирсу в сторону берега.

– До встречи, – сказал Мэттью, смотря ей вслед.

Он еще долго наблюдал за тем, как она поднимается по небольшому склону и растворяется в глубине лагеря. Взгляд его ненароком скользнул по скамье, где сидел гость, но она уже была заполнена что-то весело обсуждавшими ребятами. Просидев на пирсе еще пару часов, он захлопнул книгу и встал, когда по озерной глади поплыла легкая вечерняя дымка. Сходив на ужин, Мэттью вернулся в комнату и, немного поболтав с ребятами, прилег на кровать в ожидании назначенного для прогулки часа. Он ждал, когда наступит время, и весь лагерь погрузится в тишину и сон, чтобы тихонько прикрыв за собой дверь, незамеченным пройти по скользкой траве и, притаившись в темноте под раскидистым деревом, ждать её появления. До девяти оставалось всего каких-то пятнадцать минут, когда неожиданно дверь их домика распахнулась, заставив всех вздрогнуть, и на пороге появился взволнованный мистер Андерсон. Он быстро обвел комнату взглядом и, упершись им в Мэттью, произнес серьезным тоном:

– Собирайся, Мэттью, тебя переводят.

Ничего не понимая, он в оцепенении сидел на кровати и каким-то отстраненным взглядом смотрел то на тренера, то на товарищей.

– То есть, как переводят? – недоумевающе спросил он и чуть не добавил: «а как же встреча?».

– Прошу, Мэттью, не задавай вопросов, просто собери вещи и через десять минут будь у входа, – сказал тренер и вышел.

На минуту в комнате воцарилась тишина. Он слышал только то, как гулко стучало сердце в его груди. На глаза навалилась пелена. Друзья, ничего не понимая, молчали. Он медленно потянул руку под кровать и достал сумку. Сначала он положил одну стопку вещей, затем вторую, и только тут до всех дошло: Мэттью уезжает! Первым тишину нарушил Пол.

– Как же так, Мэттью! – произнес он дрожащим от слез голосом.

Сэмюэль лежал на кровати с перекошенными на носу очками и, отказываясь верить в происходящее, легонько мотал из стороны в сторону головой.

– Мэттью, – только и выдохнул Фрэнк.

Мэттью молча закончил собирать вещи и, застегнув сумку, подошел и положил её у самой входной двери. Затем он выпрямился и повернулся к ребятам. В глазах его стояли слёзы.

– Вот и всё, парни, – только и вымолвил он.

Первым с кровати вскочил Пол. Он подбежал и крепко обнял Мэттью. Следом с мест сорвались Фрэнк и Сэмюэль.

– Ну как же так, Мэттью, ну как же так! – сквозь слезы сетовал Сэмюэль.

С минуту они стояли так.

– Ну, ладно вам ребята, – сказал Мэттью, – так растрогались, будто мы с вами больше не увидимся! Выше головы! – троица разжала объятия и чуть отошла в сторону.

– Увидимся? – с надеждой проговорил Сэмюэль.

– А то как же! – радостно ответил Мэттью. – Обязательно увидимся, вот посмотрите!

Дверь позади Мэттью распахнулась.

– А, всё, ты готов? – спросил мистер Андерсон. – Ну, тогда пойдем.

Мэттью развернулся, поднял сумку, но замешкался на пороге. Он обернулся и в упор посмотрел на Пола. Стремительно подойдя к нему, он одной рукой крепко обнял его и сквозь слезы шепнул серьезным тоном:

– А ты смотри у меня! Я верю в тебя! Не смей сомневаться в себе, Пол! – Заглянув на прощанье ему в глаза, он скрылся за дверью в ночной прохладе.

Мэттью шел вслед за тренером то по дорожкам, то, временами, по отсыревшей траве, к воротам лагеря. Он шел опустив голову, и едва прислушивался к тому, что говорит тренер.

– Ты не переживай Мэттью, на твоём месте хотел бы оказаться каждый. Ты парень хороший, смысленный, со всем справишься. Со всем, это точно. Целеустремленный ты и серьезный...

Тренер все продолжал говорить, пока, пройдя через весь лагерь, они не оказались у ворот, за которыми уже урчал двигателем автомобиль. Тренер остановился и крепко обнял Мэттью. Тот стоял, погруженный в искренние, любящие объятия, в руках чувствовалась тяжесть сумки, а взгляд его был устремлен на одинокий темный силуэт под раскидистым деревом у столовой.

Он хлопнул дверью и, немного сдвинув на сиденье свою сумку, посмотрел вперед. Водитель внимательно осмотрел парня через зеркало заднего вида, а затем глянул на пассажирское сиденье.

– Можем ехать, – размеренно произнес мистер Гордон.

Водитель толкнул рычаг передачи и, взревев двигателем, машина понеслась по дороге сквозь нависшую ночь, легонько покачиваясь на кочках. Мэттью сидел, вжавшись в сиденье, и тревожно глядел в окно на вынырывающие из темноты стволы деревьев, застигнутых в странных позах светом фар. Ему бы сейчас засыпать мистера Гордона вопросами: куда он едет, почему, для чего, как долго и прочими, но он все никак не мог поверить, что вообще едет. Перед глазами всё ещё мелькал силуэт под деревом, печальные глаза друзей, привычная комната с кроватями, круглым столом посередине и натянутой бельевой веревкой с досыхающей майкой и штанами Сэмюэля.

– Всё как-то неправильно. Всё как-то не так, – думалось Мэттью. – Может быть я вообще сплю? – он пробежался взглядом по приглушенно освещенному фарами салону автомобиля, по силуэтам сидящих впереди людей. – Да, должно быть я придремал, пока ждал часа встречи с Кэтрин. Надо немного напрячься, и я проснусь.

Мэттью зажмурил глаза и попытался выйти из сна. Из-за закрытых глаз он не увидел большой кочки на дороге и, подскочив на сиденье, больно ударился головой о стекло.

– Что за ребячество, – подумал он, потирая ушибленное место. – Соберись, наконец, и будь мужественнее.

Спустя час быстрой езды и сильной тряски они подъехали к одиноко стоявшему посередине поля пункту проверки документов. Водитель и мистер Гордон молча достали бумаги, и после быстрой проверки они снова двинулись в путь, оставив позади бело-красный шлагбаум и оранжевый всполох сигареты военнослужащего. Дорога стала гораздо ровнее и прямее, лишь сильно громыхали швы авиационных плит под колесами автомобиля, но вскоре этот гул поглотил звук набирающих мощность вертолетных двигателей и шелест лопастей. Автомобиль остановился на огромной подсвеченной площадке, и мистер Гордон, хлопнув дверью и подбежав к вертолету, скрылся в глубине его фюзеляжа. Водитель помог Мэттью выйти из автомобиля, схватил его сумку и, легонько подталкивая парня ладонью в спину, повел к грохочущему аппарату.

После длинного перелета они вновь перебрались в салон очередного автомобиля, и Мэттью, утомленный шумом и тряской вертолета, на мгновение забылся сном.

– Мы приехали, – сказал мистер Гордон, осторожно коснувшись плеча Мэттью.

Парень вылез из автомобиля и, покачиваясь от усталости, покорно проследовал за мистером Гордоном. Они прошли по длинным гулким коридорам с приглушенным светом, поднялись по нескольким унылым потрепанным лестницам и, наконец, остановились у двери. Мистер Гордон распахнул дверь и, пропустив парня внутрь, зашел следом. Щёлкнул выключатель, и комната озарилась светом единственной лампочки, замершей под потолком. Напротив двери, подсвечиваемое предрастветной серостью, располагалось окно. Справа от окна, вжавшись в угол, стояла кровать, слева стол. У двери, прибитая плашкой к стене, была вешалка с рядом крючков, некоторые из которых были погнуты. Оставшуюся часть стены занимал шкаф и умывальник.

– Боюсь в шкафу лежат вещи тебе не по размеру, так что ложись пока в своих, а завтра с утра мы все подберем, – сказал мистер Гордон и, устало вздохнув, добавил, – пойду договорюсь с поваром насчет завтрака, перенесем его на десять часов, так что подъем в девять тридцать. Спокойной ночи.

Он вышел, плавно прикрыв за собой дверь, и в коридоре раздались его неторопливые, удаляющиеся прочь гулкие шаги. Мэттью сбросил с плеча сумку на пол и подошел к кровати. Он повалился на неё, и сверху его придавило невыносимое тоскливое чувство растерянности, беспомощности и одиночества. Он поджал ноги к груди и, накрыв себя краем одеяла, задумчиво уставился в потертую ручку выдвижного ящика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.